

оно не в силах победить инерцию масс или направить ход истории таким образом, чтобы заполнить пропасть между высокими идеалами и раздирающей сердце действительностью. В этом отношении восьмидесятые годы были, может быть, самым мрачным периодом, какой пришлось пережить России за последние сто лет. В пятидесятых годах интеллигенция, по крайней мере, надеялась на свои силы, на будущее; теперь она потеряла даже эти надежды. Чехов начал писать именно в это мрачное время, и, будучи истинным поэтом, который чувствует и отзывается на все настроения момента, он сделался выразителем этого поражения интеллигенции, которое, как кошмар, нависло тогда над культурной частью русского общества. Будучи великим поэтом, он изображал всепроникающую филистерскую пошлость в таких чертах, что его изображения, помимо высокой художественности, имеют громадную историческую ценность. Насколько поверхностным, в сравнении с картинами Чехова, является филистерство, изображенное Золя! Впрочем, может быть, Франция даже не была знакома с этой болезнью, которая разъедала до мозга костей русскую интеллигенцию.

Несмотря на все вышеуказанное, Чехова никоим образом нельзя причислить к пессимистам в истинном значении этого слова. Если бы он дошел до отчаяния, он рассматривал бы банкротство интеллигенции как нечто фатально неизбежное. Утешением для него служило бы какое-нибудь затасканное определение вроде *fin de siècle*. Но Чехов не мог удовлетвориться такими определениями, потому что он твердо верил в возможность лучшего существования, верил, что оно придет. «С детства, — писал он в одном интимном письме, — я верил в прогресс, потому что разница между тем временем, когда меня секли и когда перестали, — была огромна».

Чехов написал также четыре драмы — «Иванов», «Дядя Ваня», «Три сестры» и «Вишневый сад», — которые ярко изображают рост его надежд на лучшее будущее, по мере перехода к более зрелому возрасту. Иванов, герой его первой драмы, является олицетворением того полного падения «интеллигента», о котором я говорил выше. Когда-то верил в высшие идеалы и до сих пор говорит о них, вследствие чего Саша, девушка, полная прекрасных стремлений, — один из тех утонченных интеллектуальных типов, в изображении которых Чехов является истинным наследником Тургенева, — влюбляется в него. Но сам Иванов сознает, что его песенка спета, что девушка любит в нем то, чем он перестал быть; что проблески идеализма в нем — лишь отзвуки прошлых, безвозвратно минувших годов; и, когда драма достигает своего кульминационного пункта — когда он должен ехать венчаться с Сашей, — Иванов стреляется. Пессимизм торжествует.

Конец «Дяди Вани» также производит глубоко удручающее впечатление, но все же в нем просвечивает искра надежды. В драме раскрывается еще более полное падение «интеллигенции», на этот раз в лице одного из ее главных представителей, профессора, божка своей семьи. На служение ему все остальные члены семьи посвящают себя, но он, проведя всю свою жизнь в изящном восхвалении священных задач искусства, остался в личной жизни образцом самого крайнего узкого эгоизма. Но конец драмы на этот раз имеет иной характер. Девушка, Соня, двойник Саши («Иванов»), — одна из тех, которые посвятили свою жизнь профессору, — почти все время остается на заднем фоне, и лишь в самом конце драмы она является, окруженная ореолом бесконечной любви. Ею пренебрегает человек, которого она любит. Этот энтузиаст предпочитает красавицу (вторую жену профессора) — Соне, являющейся лишь одной из тех работниц, которые вносят свет в мрак русской деревенской жизни, помогая темной крестьянской массе в ее тяжелой борьбе за существование.

Драма заканчивается раздирающим сердце музыкальным аккордом, в котором сливаются преданность и самопожертвование Сони и ее дяди. «Что же делать, — говорит Соня, — мы, дядя Ваня, будем жить. Проживем длинный-длинный ряд дней, долгих вечеров; будем трудиться для других, и теперь, и в старости, не зная покоя; а когда наступит наш час, мы покорно умрем, и там, за гробом, мы отдохнем!»

В отчаянии Сони все же светит луч печальной надежды. У Сони осталась вера в свою способность трудиться, в свою готовность работать, хотя бы даже эта работа не была озарена счастьем личной любви.

Но по мере того, как русская жизнь оживилась; по мере того, как надежды на лучшее будущее нашей родины начинали пробуждаться снова — в молодом движении среди рабочих классов промышленных центров, на призыв которых тотчас отозвалась наша образованная молодежь; по мере того, как интеллигенция начала снова оживляться, готовая на новые самопожертвования с конечной целью завоевания свободы для всего русского народа, — Чехов также начал смотреть на будущность с некоторой надеждой и оптимизмом. «Вишневый сад» был его последней, лебединой песней, и в заключительных словах этой драмы звучит уже нота, полная надежды на лучшее будущее. Вишневый сад,